

Илья Лозаненко

Гипотеза

18+

Илья Лозаненко

Гипотеза

<https://litres.ru/74688392>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сперва он заметил запах — что-то цитрусовое, тревожное, совсем не похожее на духи институтских женщин, которые предпочитали легкие оттенки лаванды, шалфея, куманики. Потом — краем глаза — руку с тонкими пальцами, листающую бумажную книгу. Настоящую, бумажную, с потрёпанным корешком — редкость в мире, где все читали с экранов.

Содержание

ГИПОТЕЗА	4
Часть I. Случайная переменная	4
Глава 1. Бар «Гипотеза»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Илья Лозаненко

Гипотеза

ГИПОТЕЗА

Часть I. Случайная переменная

Глава 1. Бар «Гипотеза»

Улица пахла поражением. Пятница, вечер, паршивое настроение. На мокром асфальте то и дело попадались глубокие лужи, которые приходилось обходить. Дождь моросил с самого утра не переставая, как будто осень пыталась вымыть город перед новым началом, новым витком жизни. Который всегда начинается с увядания старого, перед рассветом нового начала. Но Андрей не видел это начало, он размышлял о том, почему его теория не имеет ничего общего с реальностью, где он ошибся и как это исправлять. Он потратил почти семь лет жизни на этот проект, а в итоге такое фиаско на семинаре. Да и высказывание профессора Левшина, что-то да значит.

Андрей Волков шёл по вечерней улице так, будто нёс на плечах не рюкзак с ноутбуком, а всю накопленную за семь лет статистику собственных неудач. Семинар закончился сорок минут назад, а в ушах всё ещё звучал голос профессора Левшина: «Андрей Сергеевич, ваша модель элегантна. Жаль, что реальность с ней не знакома».

Аудитория 312 была переполнена — не потому, что ждали сенсации, а потому что семинары Левшина всегда соби-

рали людей: он умел разбирать чужие модели так, что это выглядело почти как хирургия. Андрей стоял у доски, держа маркер, как держат оружие, — с привычной уверенностью человека, который знает свой материал наизусть.

— Итак, — начал он, — моя модель связывает стратегическое расслоение общества с динамикой экономической активности. Ключевая гипотеза: рост расслоения ведёт к снижению инвестиционной активности. Я откалибровал коэффициенты по данным за двенадцать лет, проверил на трёх независимых выборках. Кривая устойчива, погрешность в пределах допустимого.

Он щёлкнул пультом. На экране поплыла гладкая, почти красивая кривая: по горизонтали — индекс расслоения, по вертикали — агрегированный показатель инвестиций. Кривая шла вниз, плавно, без изломов, как хорошо выученная мелодия.

— Обратите внимание на точку перегиба, — продолжил Андрей, чувствуя, как голос набирает уверенность. — После определённого порога расслоения активность падает нелинейно. Это позволяет прогнозировать...

— Андрей Сергеевич.

Голос Левшина прозвучал негромко, но аудитория мгновенно затихла. Профессор сидел в первом ряду, положив руки на стол, и смотрел на экран с выражением вежливого любопытства, которое Андрей уже научился бояться.

— Да, Леонид Яковлевич?

— Вот у вас на графике точка перегиба. Красивая. А что в этой точке происходит с человеком?

Андрей моргнул.

— В смысле — с человеком?

— С человеком, Андрей Сергеевич. С тем самым, который принимает решение — инвестировать или нет. Вот у вас расслоение растёт. А он что делает? Он что, следит за индексом Джини перед завтраком?

Несколько человек в задних рядах усмехнулись. Андрей почувствовал, как у него холодеют пальцы.

— Модель описывает агрегированные тренды, — сказал он, стараясь держать голос ровным. — Она не претендует на...

— Она не претендует на объяснение, — закончил Левшин. — Вот именно. Она описывает корреляцию. Красивую, устойчивую, воспроизводимую. Но между вашей кривой и решением конкретного человека — пропасть. Вы её не заполнили. Вы её даже не обозначили.

Он встал, подошёл к экрану, ткнул пальцем в точку перегиба.

— Вот здесь, по вашей модели, активность падает. Почему? Что изменилось в голове у человека? Он перестал хотеть зарабатывать? Ему стало всё равно? Или он увидел, что его выгоду отнимут, и рационально решил не вкладываться?

Андрей открыл рот. Закрыл.

— Я... — он запнулся. — Модель этого не учитывает.

— Вот именно, — Левшин повернулся к аудитории. — Коллеги, обратите внимание. Андрей Сергеевич построил элегантную вещь. Математически безупречную. Но она описывает реальность, с которой не знакома. В ней нет человека, который решает. Есть цифра расслоения и цифра активности. А между ними — пустота.

Он вернулся на место, сел, сложил руки.

— Продолжайте, Андрей Сергеевич. Я вас слушаю.

Но продолжать было нечего. Андрей стоял у доски, чувствуя, как аудитория смотрит на него — кто с сочувствием, кто с любопытством, кто с тем профессиональным удовлетворением, с каким смотрят на чужой провал. Он попытался вернуться к слайдам, сказал ещё что-то про робастность оценок, но голос звучал чужим — как будто говорил не он, а кто-то другой, плохо выучивший роль.

— Спасибо, — сказал он наконец. — На этом всё.

Аудитория сразу загудела. Кто-то подошел и похлопал Андрея по плечу — «нормально, бывает», — но Андрей не слышал. Он складывал распечатки в рюкзак, и руки не слушались.

Левшин подошёл к нему.

— Андрей Сергеевич.

— Да, Леонид Яковлевич.

— Не обижайтесь.

— Я не обижаюсь.

— Обижаетесь, — Левшин вздохнул. — Это нормально.

Но вы поймите: я не сказал, что ваша модель плоха. Я сказал, что она не про людей. А вы защищаете её так, будто она про них.

Он помолчал, глядя куда-то мимо Андрея, в окно. Потом посмотрел прямо на него — без иронии, без снисхождения, с той усталой точностью, которая бывает у людей, много лет объясняющих одно и то же разным людям.

— Андрей Сергеевич, ваша модель элегантна. Жаль, что реальность с ней не знакома.

Он был раздавлен, вся его работа, весь его потенциал был, в этой никчемной модели, будь она не ладна, и сейчас все полетело к черту.

В повисшей паузе Леонид Яковлевич продолжил:

— Вы знаете, чем отличается хорошая модель от плохой? Плохая описывает то, что видно. Хорошая объясняет то, что не видно. Ваша пока описывает. Научитесь объяснять — и приходите ещё раз.

Левшин кивнул и ушёл. Андрей остался стоять с рюкзаком в руках, глядя на свою кривую — гладкую, красивую, пустую. Он смотрел на оставшихся коллег невидящим взглядом, человека погруженного глубоко в себя. «Это конец.» Мысленно сдался Андрей. И резко развернувшись покинул конференц-зал.

Одолеваемый мрачными мыслями о несостоявшемся триумфе, Андрей оказался перед баром, ноги сами принесли его сюда. Бар «Гипотеза» — заведение рядом с институтом об-

любовали аспиранты и младшие научные сотрудники именно за название, в котором было что-то утешительное: гипотезу можно не подтвердить, и это нормально, это часть метода. Андрей, мрачный, как грозовая туча, сел у окна, заказал виски — «Макаллан», двенадцать лет, — и раскрыл ноутбук с таким видом, будто собирался отомстить реальности с помощью регрессионного анализа.

В пылу работы и самобичевания о не выявленных ошибках и недочетах в кандидатской работе, он не заметил, когда за соседний столик села Она.

Сперва он заметил запах — что-то цитрусовое, тревожное, совсем не похожее на духи институтских женщин, которые предпочитали легкие оттенки лаванды, шалфея, куманики. Потом — краем глаза — руку с тонкими пальцами, листающую бумажную книгу. Настоящую, бумажную, с потрёпанным корешком — редкость в мире, где все читали с экранов.

Андрей исподтишка скосил взгляд на обложку. «Опыты». Монтень.

— Любопытно, да. — сказал он, просто чтобы не молчать. — Мёртвый француз в пятничном баре.

Она подняла глаза — не сразу, будто нехотя отрываясь от страницы. Тёмные, почти чёрные, с каким-то спокойным, изучающим прищуром.

— Он единственный собеседник, который ничего от меня не хочет, — сказала она и снова скользнула взглядом по

странице.

Голос у неё был низкий, с лёгкой хрипотцой. Андрей почувствовал, что хочет услышать его ещё раз, но не придумал, что сказать, и просто кивнул на её бокал:

— Негрони. Серьёзный выбор для пятницы.

— А виски в одиночку с ноутбуком — несерьёзный, — парировала она, не глядя на него, но уголок её рта дрогнул.

— Это не то, о чем вы подумали. Это анализ провала.

Вот тут она всё-таки посмотрела на него внимательнее — быстро, оценивающе, как смотрят на задачу, которая не до конца понятна.

— Провала чего?

— Семинара. Модели. Карьеры, возможно. Ещё не решил масштаб трагедии.

Она усмехнулась — коротко, одними губами — и вернулась к книге. Андрей понял, что разговор, едва начавшись, уже заканчивается, и от этого почему-то стало обидно, несо-размерно обидно для трёх реплик с незнакомкой.

— Вы говорите, как человек, который жалеет себя, — сказала она вдруг, не поднимая глаз. — А так ли все на самом деле?

Он открыл было рот, чтобы ответить что-то по существу — про поведенческие модели, про коэффициенты, — но она уже захлопнула книгу, глянула на часы на запястье и поморщилась.

— Мне пора. Меня ждут — не самый приятный разговор,

но куда деваться.

— Жаль, — вырвалось у него искренне, без всякой иронии.

Она встала, накинула пальто, задержалась на секунду, будто взвешивая что-то. Потом взяла со стола салфетку, достала из сумки карандаш, быстро написала несколько слов и положила салфетку рядом с его бокалом.

— Хорошего вечера, — сказала она просто.

— Как вас зовут? — спросил он торопливо, уже понимая, что опаздывает с вопросом.

— Вера, — бросила она через плечо, уже направляясь к двери.

— А фамилия? Номер?

Но дверь бара уже закрылась за ней, впустив на секунду уличный холод. Он даже не успел встать.

Андрей развернул салфетку.

«Даже собственная одаренность и мудрость кажутся нам бесплодными, если ощущаются только нами самими, не проявляясь перед другими и не заслуживая их одобрения.».

Он перечитал фразу три раза, потом ещё раз, будто надеясь, что при повторном чтении на салфетке появится номер телефона. Номера он не взял. Фамилии не спросил. Весь разговор длился от силы четыре минуты, и всё же что-то в этих четырёх минутах засело в нём, как заноза, которую не можешь нащупать, но чувствуешь при каждом движении.

Он просидел в баре ещё час, хотя делать там было уже

нечего. Расплатился, вышел на улицу, пошёл не в сторону дома, а просто куда-то, лишь бы идти.

Всю субботу он ловил себя на том, что прокручивает в голове эти четыре минуты покадрово: вот она не поднимает глаз от книги, вот усмешка одними губами, вот «а так ли все печально?» — фраза, которая почему-то задела сильнее, чем вся критика профессора Левшина за весь семинар. Он пытался понять, что именно его зацепило. Не красота — она была по-своему красива, но не настолько, чтобы сводить с ума случайного человека в баре. Не тело, не голос сам по себе. Его зацепило то, как она на него посмотрела в последний момент перед вопросом про печаль — будто видела не младшего научного сотрудника с ноутбуком, а что-то за ним, какую-то его невидимую, обнаруженную даже им самим часть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.